

Павел Палажченко. Язык президента

Павел Палажченко не просто переводчик Горбачева. Этот человек рядом с президентом СССР уже двадцать лет – столько, сколько в нынешнем году исполнилось перестройке. Палажченко убежден, что вытащил счастливый билет, став очевидцем многих исторических событий, общаясь волею судьбы с лидерами планеты. Сегодня он рассказывает об особенностях работы переводчика-синхрониста на высшем уровне, о некоторых нравах мирового истеблишмента.

Один из вице-премьеров начала 90-х уверял нас, что однажды группа олигархов чуть не уволила его из правительства, нажаловавшись Ельцину: «Мы знаем точно от переводчиков-синхронистов, что на переговорах в Брюсселе он не защитил интересы российских банков». В самом деле бывает, что допущенные в высокие сферы переводчики случайно или с умыслом допускают утечку конфиденциальной информации?

— Мне эта ситуация кажется очень странной. Никаким олигархам, никаким посторонним людям переводчик ничего рассказывать не должен. И уж тем более с его стороны недопустимы какие-то оценки. Конечно, глава государства, не присутствовавший на переговорах, вправе попросить переводчика вспомнить некие аспекты, нюансы... Но обычно в этом нет необходимости. Записи бесед рассылаются, и те, кому положено, в курсе.

Запись идет на диктофон или ее делает стенографистка?

— Никаких диктофонов. На то есть очень серьезные причины. Не хочу в них вдаваться. Стенографисток тоже нет. Пишет или переводчик, или так называемый записывающий — notetaker. Как правило, это помощник министра иностранных дел, в других случаях — помощник президента.

Но как можно одновременно переводить и записывать?

— При синхроне — невозможно. В этих случаях и нужен записывающий. А при последовательном переводе переводчик справляется с записью, хотя нагрузка, безусловно, двойная. Стенографической точности не требуется.

Недоброжелатели Горбачева утверждали, что на некоторых переговорах он из соображений осторожности прибегал к услугам «чужих переводчиков». Сам факт появления таких разговоров свидетельствует, насколько доверенным человеком должен быть

переводчик. Ведь вместе с руководителем государства он становится хранителем секретов.

— Сначала о «чужих переводчиках». Этого никогда не было. Наоборот, несколько раз (в частности, при Буше-старшем) я оказывался единственным переводчиком. Более того, от моего предшественника, легендарного Виктора Михайловича Суходрева слышал, будто в свое время Генри Киссинджер просил, чтобы во избежание утечек на каких-то переговорах отсутствовал американский переводчик.

Он что, не доверял своим?

— Не знаю. Это надо Киссинджера спрашивать. А про Горбачева — вранье. Чего только на него не вешали... Теперь о секретах. Вы правильно сказали, что переводчик должен быть доверенным человеком. Априори предполагается: от него информация не разойдется. Но и преувеличивать не надо. Когда, скажем, лидеры двух сверхдержав обсуждают проблему, она не может оставаться вселенской тайной, хотя, несомненно, определенная степень закрытости, конфиденциальности сохраняется.

А нет такого, что президенты как бы договариваются: «Ронни (или: Майкл), дай зуб, что строго между нами»?

— Да ладно вам (*смеется*). Ничего похожего на панибратство на моей памяти близко не было. Однако в ходе встреч Горбачева на высшем уровне степень доверия росла. Так было и с Рейганом, и с Бушем. По мере этого возникали темы, которые требовали более деликатного обсуждения, а не всеобщего обозрения. Разумеется, впоследствии все было обнародовано.

Вам известны случаи, когда кто-то из коллег был наказан за болтливость?

— Я знаю такой случай не с переводчиком, а с замминистра иностранных дел СССР Яковом Александровичем Маликом. Хорошо помню этого человека, он был нашим представителем при ООН, когда я там работал. Рассказывали, что задолго до этого Малик на приеме в каком-то посольстве проговорился, что в сбитом над Свердловском самолете находился легчик. Он нами взят. Американцы-то вначале заявляли, что самолет беспилотный, и Хрущев намеревался еще пару деньков с ними поиграть, чтобы окончательно поставить в неудобное положение. И тут такой прокол, позволивший Штатам сориентироваться насчет Пауэрса. Малику устроили выволочку на партсобрании в МИДе, объявили выговор,

что, кстати, не прервало его карьеры. Личностью он был незаурядной, хотя, конечно, человек своего времени. По-моему, сталинист чистой воды. А вот бдительность потерял. В этом смысле переводчики народ железный. Всякое с нами бывает, ошибки делаем. Но в плане сдержанности, как подпольщики (*смеется*).

Как вы стали переводчиком Горбачева?

— Если не ошибаюсь, в апреле 1985 года в МИД позвонил помощник генсека Андрей Михайлович Александров. Сказал, что Горбачев будет давать интервью индийскому корреспонденту, и попросил прислать переводчика. Выбор пал на меня. Я пришел прямо на встречу. Михаил Сергеевич даже не спросил, как меня зовут. Поздоровался, пожал руку, и мы начали работать. А с Александровым успели парой слов перекинуться. Он предупредил: «Запись за вами». Когда прощались, заметил: «Уверен, мы еще будем встречаться». Видимо, оценил перевод. Потом состоялся визит Раджива Ганди, и меня опять пригласили. Так и пошло. В конце одной из встреч — с сенатором Эдвардом Кеннеди тот обратился к Горбачеву: «У вас отличный переводчик. Спасибо». Я замешкался: неловко такое про себя переводить. Перевели?

— Куда ж деваться... Так что по-своему Кеннеди — мой крестный отец. Ну а вехой стал первый советско-американский саммит в Женеве осенью 1985 года — два с половиной дня напряженнейшего труда. С тех пор все переговоры генсека с главами государств и госсекретарями США переводил я. В 1990 году в Америке по дороге в Стэнфорд Михаил Сергеевич сказал: «Павел, давай переходи ко мне из МИДа. Я поручил сформировать президентский аппарат».

Какие отношения обычно складываются между «первым лицом» и его переводчиком?

— Здесь нет никаких трафаретов. Все зависит... Горбачев по натуре доброжелательный человек, не самоутверждается за счет других. Не проявляет самодурства. В этом плане с ним комфортно. Нет нервозности, зажатости. Но, допускаю, дело еще в том, что как профессионал я уверен в себе. Я же не локтями пробивался. Ни у кого работу не выпрашивал.

В своей книге «Мои годы с Горбачевым и Шеварднадзе», изданной в США, вы вспоминаете, как, оказавшись однажды с Михаилом Сергеевичем один на один в автомобиле (дело происходило в Вашингтоне в декабре 1987 года), поинтересовались: «А что все-таки будет с Афганистаном?» Вы пишете: «Не знаю, как я решился

спросить его — генсек по тем временам был очень высокой, почти «запредельной» фигурой». Что, Михаил Сергеевич восемнадцать лет назад был недемократичен в общении?

— Я бы не сказал. Ему и тогда не был свойствен апломб. Между прочим, как ни относишься к бывшим членам политбюро (а я работал и с Яковлевым, и с Рыжковым, меньше — с Лигачевым), они в отличие от следующего поколения власти никогда не разговаривали с нижестоящими на грани хамства, не позволяли себе снобизма, элементов барства. Да, Горбачев почти сразу переходил на «ты». Кого-то это коробило. Но я понимал, что он так привык, это особое партийное «ты», знак доверия.

Возвращаясь к Афганистану. Горбачев не пресек меня, а коротко ответил: «Будем решать». Теперь-то знаю, что мысль уходить из Афганистана появилась у него буквально сразу после избрания генсеком. Он только не хотел, чтобы это выглядело драпом... Полагаю, многие солдаты тех лет должны быть ему благодарны.

Чем объяснить, что после путча и отречения Горбачева вы остались с ним, хотя получили личное предложение от тогдашнего замминистра иностранных дел Александра Авдеева вернуться в МИД?

— В двадцатых числах декабря 1991 года Авдеев обзвонил бывших мидовцев, работающих в аппарате президента. Сказал: «Считаю своим долгом предложить вам вернуться в министерство. Поторопитесь. Через неделю-другую нас самих в этих кабинетах не будет». Я очень благодарен Авдееву, но ни минуты не колебался. Жизнь вообще никогда не ставила меня перед мучительными дилеммами. Так было и в тот раз: уйти от Горбачева и начать работать с Ельциным считал для себя неприемлемым. И не только потому, что в глазах людей последние пять лет ассоциировался с президентом СССР и выглядел бы «перебежчиком». Я лично не простил бы себе даже мысли переметнуться. 1991 год оказался для Горбачева невыносимо трудным; следующий, предполагал, будет не легче. Хотелось по-человечески его поддержать. Вдобавок и в политическом плане я был солидарен с Михаилом Сергеевичем, разделял его идею не разрушительных, а эволюционных перемен в стране.

И все-таки я несколько преувеличил, сказав, что важный шаг дался просто. Как ни крути, у меня была семья, дети. Финансовых обязанностей с меня никто не снимал. О создании фонда еще не было речи. Когда я сказал своей маме, что ухожу с государственной службы, она, в принципе одобрявшая мой поступок, не сдержала горечи: «А где же будет лежать твоя трудовая книжка?» Для человека ее поколения этот вопрос казался

главным. Я не признался, что книжка уже у меня на руках с записью: «Уволен в связи с упразднением (ликвидацией) аппарата президента СССР».

Горбачев пережил масштабное предательство окружения. Вы находились рядом. Что вас особенно поразило? Кто?

— Я предпочитаю с осторожностью употреблять слово «предательство». Вот ГКЧП — это однозначно и предательство, и преступление. Соратники, имевшие возможность спорить с Горбачевым политически, предпочли нанести ему удар в спину. И если говорить, что меня особенно поразило, так это непрофессионализм и слабость гэкачепистов. Они даже СМИ не сумели поставить под контроль. Я никого из них лично не знал, но думал: они умнее. Теперь о том, как оценить людей, которые, стоило положению Горбачева начать ухудшаться, перебежали к Ельцину. В ряде случаев подобное диктовалось политическими разногласиями. Знаю, Горбачев относится к этому весьма толерантно. Но не могу принять, что интеллигенция, такие столпы, как Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, Николай Шмелев, перекинулись к Ельцину, не думая о последствиях радикального варианта. Наверное, в какой-то мере ими двигало нетерпение. Затмевающее разум желание сделать все одним махом... Отдельный разговор — о тех, кто всю жизнь был на государственной службе и плавно перетек из аппарата президента СССР в аппарат президента России. Куда деваться чиновникам? Можно произносить гневные слова, но жизнь сложнее незатейливых формулировок. Я научился у Горбачева определенной широте, стараюсь не осуждать и некоторых бывших друзей, переставших в 1991 году мне звонить, посчитав, очевидно, что Горбачев — «залежалый товар» и пора сдавать его старьевщику. Сейчас, когда в отношении к президенту СССР наметился некий положительный сдвиг, звонки, словно из небытия, вернулись.

Вы великолепный знаток английского языка, автор ставшего бестселлером «Моего несистематического словаря». С чего начался, по вашему выражению, «роман с английским»?

— Это не была любовь с первого взгляда. Моя мама — учительница английского языка в обычной школе в подмосковном Монино. Класса со второго она начала со мной заниматься, но меня это здорово тяготило. Я мечтал стать спортивным комментатором, потом — геологом, а лет в двенадцать-тринадцать вдруг что-то случилось. Может, виноваты The Beatles (меломания у многих в пробуждении интереса к языку играет особую роль), может, то, что начал слушать на английском Би-би-си и

«Голос Америки»... Наши передачи после этого стали казаться ужасно пропагандистскими. Так или иначе, но завязался роман, длящийся по сей день. Английский язык удивительный, в нем есть что-то завораживающее. И безусловно, я очень благодарен маме. Это она помогла мне подготовиться к экзаменам в иняз и поступить с одной «четверкой», хотя в 1966 году абитуриентов было вдвое больше, чем обычно, — выпускались сразу десятые и одиннадцатые классы. Мама и сейчас для меня в языке авторитет. Не у многих переводчиков-синхронистов собрана дома на английском такая библиотека: полные собрания сочинений Диккенса, Драйзера, Голсуорси... Бывая за границей, постоянно привожу маме книги. У нас есть общие любимцы, а что-то она забраковывает как полную муру.

Корней Иванович Чуковский в ранней молодости учил английские слова по учебнику с вырванными страницами и впоследствии с юмором рассказывал, что, впервые приехав в Лондон, не мог произнести ни слова, так как не догадывался о существовании транскрипций. А как вообще лучше учить язык? Сложилась у вас на этот счет некая идеальная схема?

— Нечто похожее на историю с Чуковским слышал про Ленина. Будто он говорил на каком-то невероятном английском. Однако мой преподаватель в инязе Яков Иосифович Рецкер утверждал, что перевод Лениным работы Сиднея и Беатрисы Веб о британском тред-юнионизме замечательный. А Рецкер просто так высокие оценки не раздавал. Есть ли оптимальный алгоритм изучения иностранного языка? Думаю, да: традиционная классическая школа с зубрежкой слов, глубоким изучением грамматики. Но при этом крайне желательно год-два пожить в стране языка. Я впервые оказался в англоязычной стране поздновато — в двадцать пять лет. У меня был довольно сильный британский акцент — так учили фонетике в инязе. За пять лет, что проработал переводчиком-синхронистом в ООН, он полностью выветрился. Сменился на американский. Правда, Америка — такая страна, где все говорят с разными акцентами. За исключением уроженцев Среднего Запада. В Нью-Йорке, Вашингтоне отнюдь не самый чистый американский английский. Эталоном американского произношения, манеры говорить считается корреспондент NBC Том Брокау. Сам он из штата Южная Дакота. К слову, Брокау первым из американских журналистов взял телевизионное интервью у Горбачева. Они и потом встречались. Убежден: если поставить перед собой цель, вполне можно научиться говорить так, чтобы тебя не спрашивали: «Where are you from?» Но для синхрониста безупречное произношение — не самоцель. Главное: ясная, ритмичная, четкая речь.

Какими языками кроме английского вы владеете?

— Французским. Он был у меня в инязе вторым языком. Сильно увлекался. Сейчас французский — мой рабочий язык практически в полном объеме. Уже в Нью-Йорке выучил испанский. В последние годы занялся итальянским и немецким. Каждый следующий язык, несомненно, дается легче. Итальянский, полагаю, сумею освоить неплохо. Он изумительно красив — недаром на нем написаны лучшие мировые оперы. С немецким — труднее. Читаю свободно, а говорю не очень. Некоторые утверждают, что немецкий логичней и проще английского. Но сколько людей, столько мнений.

Институт иностранных языков имени Мориса Тореза, который вы закончили, в свое время считался суперэлитарным. Государственный лингвистический университет по-прежнему один из сильнейших языковых вузов страны? Или другое имя — другая судьба?

— Нет. Лингвистический университет остался лучшим языковым вузом в России. И одним из сильнейших в мире. А вот имя менять не стоило. Напротив, следовало запатентовать. Таковую «торговую марку», бренд надо беречь. Конечно, в 90-е годы в инязе, как и всюду, не обошлось без потерь. Но подобные мощные структуры имеют свойство восстанавливаться. Система преподавания языков, сложившаяся еще в советское время и способная готовить сотни, тысячи профессионалов фактически вне контактов с языковой средой, при ограниченном доступе к неадаптированному кино, литературе, — эта система феноменальна! И насколько я знаю, выпускники иняза по-прежнему чрезвычайно востребованы. Современный высокий уровень подготовки открывает им двери ООН, Совета Европы. Сейчас можно заключить пожизненный контракт и работать в Нью-Йорке или Женеве хоть до пенсии. Я всегда говорю будущим переводчикам: «Если на «Мерседес» или загородный дом на Рублевке вы не заработаете, то, во всяком случае, достойную жизнь себе и семье обеспечите».

Одно из главных профессиональных качеств синхрониста — умение сосредоточиться. Своим студентам даю такое задание: «Попробуйте, слушая радио или смотря телевизионную передачу, минут пятнадцать ни на что не отвлекаться. Чтобы потом с определенностью сказать — я не пропустил ни одного слова, воспринял все полностью». Это напряженнейший тренинг. Поначалу большинство признаются: отвлекались. Внимательность дается с опытом. Про себя могу сказать, что в течение получаса в состоянии максимально сконцентрироваться. Это не относится к художественной литературе. Хорошие книги я читаю

медленно, возвращаюсь к понравившимся местам, отвлекаюсь на ассоциации.

Смотрите ли вы на видео фильмы в модных сегодня переводах Гоблина? Ваше мнение об этом явлении?

— Смотрел. Но большого желания продолжать знакомство нет. Это какой-то отдельный жанр переводческого перформанса. Такой переводческий хеппенинг, не имеющий отношения собственно к языку. Вариации на тему. Мне неинтересно. А многие балдеют. Ради Бога.

Среди них, между прочим, знаменитый Леонид Володарский.

— Я же не навязываю своего мнения. Вот к Володарскому отношусь с большим уважением. Мы вместе учились. Его работы — уже непосредственно жанр перевода. Причем высокого класса.

Вы были знакомы с бывшим помощником Андрея Громыко и заместителем генсека ООН Аркадием Шевченко, оставшимся в США? Какой резонанс для советской community имела его история? Вы до сих пор сотрудничаете с ООН и можете сравнивать, насколько легче после перестройки стало дышаться нашим заграничникам...

— История с Шевченко прилась как раз на мои годы в Америке. Я часто видел его, но знаком не был. Помню потрясение в русской колонии: второй по рангу советский человек в Штатах, карьерный дипломат решил изменить Родине. Мидовцы крайне редко переходили на другую сторону. Спецслужбы — иное дело, они до сих пор активно работают друг против друга, следят, переманивают, вербуют... Соответственно многие наши были напуганы, у кого-то даже «крыша поехала» насчет провокаций, доносов, «несанкционированных контактов». Но мы, синхронные переводчики, и в застойные времена жили вольготней других. Во-первых, работали в международном коллективе: англичане, французы, латиноамериканцы, китайцы, арабы... Приглашали друг друга в гости, ходили в рестораны. А во-вторых, селились не за посольской оградой — сами себе подыскивали квартиры. Хуже было то, что мы, русские, ограничивались в передвижениях. О каждом выезде за пределы двадцатипятимильной зоны требовалось уведомлять Госдепартамент. Ну и, само собой, возвращение в Союз. Стресс, кессонная болезнь! Труднейшая адаптация к нашей жизни с ее заморочками, бытовыми проблемами. Некоторые семьи не справлялись. И моя не выдержала, распалась.

А по поводу того, легче ли стало дышаться российским гражданам за рубежом? В этом смысле перестройка не нуждается в комплиментах. Кто сегодня главный переводчик Путина?

— По моим наблюдениям, теперь не выделяется кто-то один. Отошли от этой практики. Почему? Сказать не могу. Вопрос технологически для меня интересный, но не считаю уместным проявлять любопытство.

Вас приглашают переводить в Кремле?

— Конкретно в Кремле — нет. Я переводил несколько последних пресс-конференций Путина, которые транслировались по первому и второму телеканалам. Но предложение исходило не от Кремля, а от СМИ. Для меня, повторю, работа на государственные структуры — пройденный этап. И правильно, что администрация не приглашает людей со стороны. Пришло новое поколение. Я не просто спокойно — положительно к этому отношусь.

А кто преподает президенту английский? Вы ведь из этой тусовки и, наверное, знаете: на самом деле Владимир Владимирович - продвинутый ученик?

— Ничего не могу сказать... Это, кстати, абсолютно другая среда. Преподаватели и переводчики — две разные общины, тусовки. А «продвинутость» Путина зависит от того, сколько времени он готов уделять английскому. Я говорил, что человек, хорошо владеющий одним языком, более органично переходит на второй.

Время от времени в телесюжетах показывают, как Путин и Буш, прогуливаясь, о чем-то оживленно беседуют. Без переводчика.

— *(Смеется.)* По своему опыту знаю: некоторые протоколыцики просят порой переводчика отойти в сторону, чтобы кадр получился эффектней. Так что не исключаю — «в кустах» скромно прячется переводчик. Но и другое реально: короткое время президенты обходятся своими силами. Поддерживать разговор — не самое трудное в языке.

Скажите, все эти выражения: «друг Гельмут», «друг Билл», «друг Рю», «друг Владимир», «друг Борис» - это, что называется, фигура речи или во время контактов на высшем уровне и вправду можно подружиться?

— Бесспорно, «фигура речи». Расположение, симпатию, приязнь между лидерами государств ошибочно недооценивать, но ответственность руководителей перед своими странами — прежде всего. А она диктует рационализм и прагматичное соблюдение дистанции. Так, во всяком случае, было у Горбачева и его партнеров.

Я не раз слышал, как Буш-младший называл Путина другом. Ни в коей мере не ставлю под сомнение его искренность. Но надо учесть, что в английском языке слово «друг» употребляется в более широком смысле, чем в русском. Кто-то из лингвистов заметил: friend — это горизонтальное понятие, в то время как русское «друг» — строго вертикальное, предполагающее глубину отношений. Так сложилось не столько в языке, сколько в нашей культуре. И в этом — вертикальном — значении между государственными деятелями дружбы быть не может.

То есть, употребляя слово «друг», Буш имеет в виду: человек, к которому он относится дружелюбно...

— Вот-вот. Вы нашли точное определение.

В свое время много писали о взаимном расположении Горбачева и Тэтчер. Ваши личные наблюдения по поводу «железной леди»?

— Я меньше работал с Маргарет Тэтчер, чем с американскими президентами, и окажусь в дурацком положении, если начну выставлять ей оценки. Одно могу сказать: у этой дамы, мягко говоря, непростой характер. Она не терпела предварительных формальностей, пустых прелюдий, обмена ни к чему не обязывающими любезностями. В июле 1991 года Горбачева впервые пригласили на заседание «семерки» в Лондон. Запад на встрече не то чтобы оттолкнул президента СССР, но и крупномасштабных договоренностей достичь не удалось. Незадолго до этого Тэтчер сместили с поста премьер-министра. И вот она спонтанно приезжает в советское посольство, где остановился Михаил Сергеевич. С места в карьер обрушивается: «Ну что за люди такие?! Неужели «семерка» не могла оказать ту поддержку, которую заслуживает перестройка? Что они наделали! Видите ли, нет явного движения в сторону рыночной экономики. Разве непонятно, куда их безразличие может привести, в каком направлении развиваются события? Именно сейчас России особенно нужна поддержка». Я был потрясен темпераментом «железной леди», ее почти товарищеским сочувствием, ибо знал о вечных идеологических разногласиях с Горбачевым. Но как практический политик Тэтчер неизменно была последовательна.

Михаил Сергеевич любит бравировать тем, как едва ли не на первых переговорах с президентом США «срезал» Рональда Рейгана, пытавшегося вести себя высокомерно: «Вы мне не учитель, а я вам не ученик». Расскажите о постепенной трансформации отношений двух лидеров.

— Мне хорошо памятен эпизод, о котором вы говорите. Речь шла о диссидентах, правозащитных проблемах. Американцы, готовя переговоры, решили вынести эту тему на первое место. Горбачев, как вы знаете, и сам придававший вопросу большое значение, отреагировал бурно. Однако его слова не прозвучали обидно. И Рейган воспринял их адекватно. Отношения стабилизировались довольно быстро, стали продуктивными.

Ряд американских интеллектуалов не причисляют Рейгана к гигантам мысли. Но мне он видится человеком ярким, солнечным и, вопреки актерской профессии, искренним. В Рейгане чувствовались доброжелательность и отнюдь не предосудительное желание нравиться. Да он и нравился. В целом Америка любила его, называла великим президентом, потому что он ее вылечил, вернул стране уверенность в себе. Уотергейт с унижительной отставкой Никсона... Сложнейшие годы президентства Картера, когда США потребовалась своя перестройка, так как многое из того, что отлаженно функционировало в 50-60-е годы, выработало свой ресурс... Неблагоприятное завершение вьетнамской войны... Все вместе влияло на психику американцев. Нужен был особый человек — очень твердых, даже жестких убеждений и при этом оптимист. Рейгановские годы стали для США переломными. Кого недооценили и неправильно поняли вначале наши американисты, так это Нэнси Рейган.

Правда, что ее отношения с Раисой Максимовной Горбачевой складывались сложно? Как это выражалось? Вы переводили первым леди? Может быть, пытались сгладить, смикшировать дамские колкости?

— Как правило, я был так перегружен на переговорах, что в протокольных мероприятиях не всегда участвовал. Но знаю, Раиса Максимовна к ним подходила основательно, обдумывала темы светских бесед, возможные вопросы. А Нэнси, оказывается, это страшно раздражало: она, мол, с открытой душой, а ей чуть ли не экзамен устраивают. Какая-то нестыковка разных людей, разных культур... Что ж, бывает. Другое дело, подобных шероховатостей можно было избежать, если бы с обеих сторон не находились люди, нарочито обострявшие ситуацию. Воспользуюсь горбачевским словом: «подбрасывающие» искаженную информацию. Был еще один неловкий момент, когда из-за какой-то несогласованности

Раиса Максимовна прилетела в Рейкьявик с Горбачевым, а Нэнси — нет. И очень обиделась. Что до меня, то мне не доводилось переводить взаимных колкостей первых леди... Постепенно недоразумения между ними исчезли. Жаль, мы не сразу узнали, что именно Нэнси сыграла важную роль в повороте Рейгана лицом к СССР. Утверждают, в 1984 году Андрей Андреевич Громыко шутливо сказал жене президента США: «Вы все время шепчите на ухо супругу слово «мир». Похоже, Нэнси последовала совету. Сколько раз бывало, что советско-американские отношения могли пойти под уклон, и в том, что оба президента этого не допустили, есть заслуга их жен.

В 1992 году Горбачевы провели великолепный день на ранчо Рейганов в Калифорнии. Я переводил и могу удостоверить: отношения Нэнси и Раисы Максимовны были не просто гладкими, а очень теплыми. Позже, когда у Рональда Рейгана развилась болезнь Альцгеймера, Горбачевы переписывались с Нэнси. Через меня прошло с десяток писем в том и другом направлении.

Вы были также переводчиком Шеварднадзе, и когда он уходил от Горбачева, то долго говорил с вами об этом. Что развело в разные стороны близких соратников?

— Через несколько дней после того, как в декабре 1990 года Шеварднадзе подал в отставку, я попросил его о встрече. Эдуард Амвросиевич меня принял. Мы проговорили около часа. Вечером почти дословно записал беседу. Наступит время, обязательно ее опубликую. Но сейчас рано. Надо все-таки совесть иметь: все «фигуранты» живы — Горбачев, Шеварднадзе, я, наконец... Разговор получился очень личный. Шеварднадзе внешне был спокоен, но я чувствовал, что страшно волнуется. У меня сложилось впечатление: он предвидел что-то вроде ГКЧП. Блокнот с записью хранится в моем столе. Приведу небольшую цитату: «Мы так затянули с несколькими важнейшими решениями, что ситуация стала неуправляемой... Может произойти кровопролитие. А в случае репрессий я не вправе оставаться министром иностранных дел. И нам не удастся сохранить достигнутый уровень отношений с цивилизованными странами». Мне доводы Эдуарда Амвросиевича показались не вполне убедительными.

А что Горбачев? Его не обидело, по сути, бегство единомышленника?

— Если бы он однозначно воспринял это так, то в ноябре 1991 года не позвал бы Шеварднадзе вернуться. Но Михаил Сергеевич решил вместо тогдашнего министра иностранных дел Бориса Панкина, отважно

осудившего ГКЧП, призвать «старого коня, который борозды не испортит». Дело обстояло таким образом. Звонит Горбачев: «Павел, срочно свяжись с английским посольством. Мне надо поговорить с Мейджором». Премьер-министра Великобритании, как нарочно, не оказалось в резиденции на Даунинг-стрит, однако через полчаса он был у телефона. «Джон, — обратился к нему Горбачев. — Мы объединяем два министерства — иностранных дел и внешней торговли. Должность министра я предложил Шеварднадзе. В этой связи Панкина намерены направить послом в Великобританию. Но не можем объявить о назначении без вашего агремана». Мейджор мгновенно ответил: «Я свое согласие даю. Обещаю, как можно быстрее соблюсти все формальности». На следующий день официальный агреман был получен.

А с Шеварднадзе в декабре 1991 года пути Горбачева все равно разошлись. Я еще несколько раз встречался с Эдуардом Амвросиевичем, в том числе в Тбилиси — в пору его президентства.

Есть ли в вашей нынешней работе некие преимущества по сравнению с предыдущей? Большая свобода, например, удовольствие от несуетливых поездок по миру? Особые, дружеские отношения с Горбачевым?

—Я ни разу не пожалел о своем решении остаться с Михаилом Сергеевичем. Без сомнения, когда он был генсеком и президентом СССР, моя работа отличалась сильной мотивацией, адреналин выделялся в огромных количествах, поскольку то, что совершалось, приносило стране историческую пользу. Не хватает ли мне этого ощущения сейчас? Наверное, в какой-то степени. Но кто сказал, что жизнь человека на всем ее протяжении должна быть однотипной? Мне не пришлось себя ломать — Горбачев стал как бы мостиком, соединяющим две разные эпохи моей биографии.

А работа в Фонде Горбачева действительно имеет свои преимущества. Михаил Сергеевич оставил мне возможность сотрудничать с ООН, другими организациями, отпускает, если надо, на пару недель, на месяц. Штат в фонде небольшой, и я как руководитель отдела международных связей общаюсь с Горбачевым регулярно. Не то что в былые времена, когда аппарат был громадный. Особенно сближают поездки за границу. Горбачев встречается с политиками, читает лекции, я помогаю ему готовить выступления, перевожу. Но теперь у нас остается время и посмотреть бродвейский мюзикл, и поужинать в ресторане (предпочтение Горбачев отдает итальянской кухне, и я с ним в этом солидарен), и осмотреть то, что называется, достопримечательностями. В Нью-Йорке

Михаил Сергеевич любит гулять по Центральному парку: у них с Раисой Максимовной смолоду привычка к пешим моционам.

Вблизи Горбачев оказался именно таким человеком, каким виделся мне «с расстояния». Что-то я разглядел точнее, и стойкость, с которой он преодолел уготованные судьбой испытания, безусловно, добавила уважения. За годы тесной работы мы принципиально разошлись лишь раз. В 1996 году он решил баллотироваться в президенты, хотел открыто и внятно объясниться с людьми. Но я считал, что в существовавших информационных условиях это исключено. Раиса Максимовна придерживалась такого же мнения, однако после того, как Горбачев упрямо принял решение, прошла с ним путь до конца. Меня он освободил от предвыборных обязанностей. И впоследствии я не услышал ни слова упрёка. Но сам жутко за него переживал. А когда узнал, что за Горбачева проголосовало около миллиона человек, у меня появилось желание каждому из них пожать руку.

(«Версия», 17 октября 2005 г.)